

И. Ф. Водяникова

Южный Федеральный Университет (г. Ростов-на-Дону, Россия)

ИДЕЯ УНИВЕРСИТЕТА

Рассматривается «идея университета» как длительного поиска идеала университета и крушение этого идеала в результате Болонского процесса – попытки создания интегративной европейской образовательной системы.

Ключевые слова: идея университета, Болонское соглашение, глобальная культура.

Розглядається «ідея університету» як тривалий пошук ідеалу університету і крах цього ідеалу в результаті Болонського процесу – спроби створення інтеграційної європейської освітньої системи.

Ключові слова: ідея університету, угода Болонська, глобальна культура

The article is devoted to «university's idea» as to durable search of university's ideal and to a wreckage of this ideal as a result of Bologna process which is an attempt of integration European educational systems' creation.

Keywords: university's idea, Bologna agreement, global culture.

«Идея университета» – так назывался цикл лекций ректора Дублинского университета Джона Ньюмена, который в 1873 г. положил начало дискуссии о концептуальных основах университетского образования. Другая точка зрения об истоках обсуждения этой проблемы связывается с Германией, с именем немецкого энциклопедиста В. Гумбольдта, при активном участии которого создавался Берлинский университет. Гумбольдт первопроходец в проблеме, получившей название «идея университета». Слово «идея», несомненно, было связано с немецкой классической философией, но с другой стороны, «идея» означала поиск идеала университета, была связана с нормативностью и эталонностью. Сама постановка вопроса, каким быть университету не утрачивает своей актуальности на протяжении всей истории университетского образования.

Последующие публикации на эту тему: Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассета, К. Ясперса, А. Н. Уайтхеда и многих других демонстрируют различие во взглядах на то, чем призван быть университет. Например, Дж. Ньюмен считает, что университет – место, где обучают универсальному знанию. Цель университета связана с распространением и приобретением знаний, а не получением нового знания (эту функцию он отводит академиям). Х. Ортега-и-Гассет рассуждает так: «...человека нужно сделать, прежде всего, человеком, поместить его вровень со временем, таким образом, первичная функция университета – это преподавание культурно-значимых дисциплин».

нно». Эти дисциплины: физика, биология, история, социология, философия. Человек должен стать хорошим профессионалом и совсем необязательно для него быть ученым [8, с. 47]. Карл Ясперс, вслед за В. Гумбольдтом, подчеркивает исследовательскую функцию университета и указывает на тройственность задач университета: исследование, передача знания (образование) и культура (см. [3, с. 206–207]). Эти позиции отражают взгляды представителей различных университетских традиций. Именно в силу различной культурной нагруженности простое сравнение этих позиций неправомерно, поскольку складывались они в различных культурных условиях, где университеты должны были решать разные задачи. Каждая культурная парадигма существует благодаря специфическим средствам ее воспроизводства, которые она сама и вырабатывает. Эти процессы не допускают механического переноса в другую культурную традицию. Более того, они неразрывно связаны с логикой становления самой культуры, следуют из традиций прошлого. Но современная культура претерпевает мощнейшие процессы трансформации, вызванные глобализацией. Трансформация культуры – это процесс разрушения классических культур и становление единой глобальной культуры, основанной на глобальном коммуникационном пространстве.

Эти процессы определяют, и будут определять современное образование. В этом коммуникационном поле господствуют общие стереотипы, общие оценки, общие параметры требуемого поведения, общедоступные, т. е. наиболее простые компоненты. «Интегративная глобальная культура поглощает разнообразие локальных культур, для нее характерна принципиальная отстраненность от фундаментальных этнических, религиозных оснований и традиций. Те же самые процессы происходят в современном образовании, которое идет по пути отказа от принципа фундаментальности, характерного для классических университетов, интеграция здесь реализуется за счет упрощения образовательной системы, а не синтеза ее лучших образцов» [6, с. 4].

Болонский процесс, как попытку создания интегрированной европейской образовательной системы, по декларативным принципам, трудно не принимать. Это расширение доступа к европейскому образованию, повышение мобильности студентов и преподавателей, что предполагается должно способствовать формированию европейской идентичности, хотя следует отметить, что эти процессы, для определенной категории студентов и преподавателей, давно имеют место и без Болонского процесса.

Интегративные процессы протекают болезненно для всех участников Болонского соглашения. Однако, «в отличие от России западные государства в ходе Болонского процесса последовательно и твердо отстаивают свои позиции. Что-то они принимают, что-то нет. У нас происходит нечто странное: мы собираемся присоединиться к конвенции на чужих условиях» [6, с. 6].

Болонская конвенция хотя и выстраивается как альтернатива дальнейшей американизации европейского пространства, однако,

это переход образования на принципы американского. В американском университете многоуровневая система имеет давнюю традицию и предоставляет более широкие возможности: каждый выпускник университета приобретает не только основную специальность, но по выбору еще одну или несколько дополнительных. Можно получить степень бакалавра по физике, а магистерскую – по экологии, экономике или психологии. Таким образом, каждый студент, независимо от того, какую специальность он выбрал в качестве основной, имеет возможность подготовиться ко всем превратностям рынка. Кроме того, в американских вузах нет жестких сроков обучения. Обычно на первой ступени студенты учатся 4 года, для получения магистратуры нужно проучиться еще два года, а для того, чтобы стать доктором, требуется еще от 4 до 7 лет учебы после первой ступени. Продолжительность занятий зависит от материального положения студентов и его способностей. Темп изучения предметов каждый студент определяет самостоятельно. Фактически в учебных заведениях отсутствует деление на группы и курсы. В любой момент американский студент может прервать учебу, поработать несколько лет, а затем снова продолжить образование в том же, или, что бывает чаще, в другом вузе. В США приветствуется переход студентов из вуза в вуз, считается, что это способствует обогащению профессионального и личного опыта (см. [3, с. 26–27]). В России поступление на тот или иной факультет вуза, зачастую, предопределяет дальнейшую судьбу студента. При сравнении, можно сделать вывод, что американская система образования отличается гибкостью, мобильностью, возможностью выбора преподавателя, сроков обучения. Эта сложившаяся система университетского образования, которая адекватна рыночным отношениям, изменчивым запросам общества рассматривается как «национальное достояние, а не только как средство профессиональной подготовки, предоставляющее выпускнику реальные шансы на получение высокооплачиваемой работы» [3, с. 26].

Тогда как в России пытаются спешно привить модель образования принципиально другой культуры, реализовать путь «фактически разрушающий национальную систему образования, прежде всего университетского» [6, с. 6]. Да, мы живем в условиях все более взаимозависимого мира, не только национальные границы в их прежнем понимании перестают существовать, но и национальные культуры претерпевают серьезную трансформацию, крушение национальных систем образования тому подтверждение.

В конце 2006 г. главой правительства России было подписано распоряжение о создании двух федеральных университетов, Сибирского (северного) в Красноярске и Южного в Ростове-на-Дону. Предполагалось, что каждый новый университет объединит несколько существующих в этих округах государственных вузов. Такое объединение произошло, возникли мега-университеты. Предполагается, что новые федеральные университеты будут готовить высококвалифицированных специалистов, способствовать повышению конкурентоспособности ведущих отраслей экономики своих

федеральных округов, а кроме того, укрепят научно-образовательные и производственно-технологические связи с зарубежными странами. Они должны также положительно повлиять на демографическую ситуацию в регионах, оставляя на местах способных молодых людей, которые стремятся продолжить образование в крупных центрах России (Москва, Петербург) или уезжают учиться за рубеж. Конечно же, вузы, объединенные под эгидой федерального университета, ранее не выполняли всех этих функций.

В целом же мысль создать университеты мирового уровня, похвальна. Все дело в том, что подлинные университеты не организуются указами. Они результат многолетних усилий. В своих наиболее общих формулировках идея и миссия университета неизменны на протяжении всей его истории: исследовательская, образовательная, культурная. Другое дело, что понятны стремления создателей университетских центров по поиску нового содержательного наполнения идеи университета. Пока же глобальные процессы, принципиально изменившие мир – очередной вызов университетскому сообществу. Ответом на вопрос, каким быть современному университету, пока вряд ли кто-то владеет, чтобы понять это, стоит ознакомиться со стенограммой отчетов чиновников (министра образования, ректоров вновь созданных университетов) с одной стороны и взрывом недовольства тех, кто стал средством реализации этого крупнейшего образовательного проекта. Ситуация такова: «Структура университета не жизнеспособна и ее дальнейшее функционирование приведет к уничтожению одного из лучших классических университетов России – Ростовского госуниверситета» – говорится в обращении Ученого совета факультета математики, механики и компьютерных наук Ученому совету ЮФУ в связи с уходом в отставку в знак несогласия с тяжелой ситуацией в вузе декана факультета [10, с. 16].

Университету XXI века посвящена публикация бывшего ректора Университета ООН Г. ван Гинкеля и оптимизма она не вселяет. По его мнению, цель университетов – готовность к общему будущему, постоянно меняющемуся, полному вызовов и возможностей. Национальные структуры для функционирования университетов будут становиться все менее значимыми, в то время как более важными станут макрорегиональные (например, европейская, юго-восточная азиатская, африканская) и глобальные структуры и сети. Неизбежные грядущие перемены в университетском образовании, он считает должны быть таковы:

- задачи университетов будут сконцентрированы в большей степени на направлении и объединении потоков знаний;
- свои собственные (фундаментальные) научные исследования университеты будут развивать в меньшей мере;
- сформируется новая концепция образования: его содержание на начальном этапе будет общим; обучение будет вестись на протяжении всей жизни и в основном будет направлено на многосторонний род деятельности и на разнообразие финансовых источников;

– университетам следует переосмыслить свои методы управления, структуру организации, равно как и методы своей работы, чтобы обеспечить условия для большей независимости и предприимчивости;

– университеты должны отходить от традиционного обучения в аудиториях и стремиться к обучению объединенных студенческих групп. Такое обучение становится самым простым типом университетского обучения в условиях демократизации и быстро нарастающего числа студентов. Университеты должны создавать обучающую среду, которая предоставляет возможности для самостоятельной работы (см. [4, с. 47–49]).

Это и есть идея нового университета, скорее, то, что от нее осталось.

В противоречивой ситуации, в которой оказался глобальный мир, именно университеты могли бы оставаться центрами, по формированию универсалистского сознания. Классический или «традиционный» университет, в центре своих высших целей ставил идею «ответственности за осмысление цивилизационного идеала, который имел бы универсалистскую направленность» (см. [1, с. 38]). Это означало одновременно критическую передачу основных достижений прошлого и систематический синтез новых знаний и новых ценностей. Помимо этой функции – критического синтеза знаний, университет всегда брал на себя и решение более частных задач, связанных с обучением. Но, при этом, всегда профессиональное обучение в университете означало интеграцию знаний в единый и целостный корпус, интеграция, – которая была подчинена обеспечению единства знаний и универсальности. Знание, формирующее в человеке собственно человеческое – универсальная способность самостоятельно осмысливать все сущее, способность, которая должна развиваться и усиливаться, а не загоняться лишь в русло профессионализма. Задачей сферы образования является создание условий для формирования универсалистского сознания, а это значит, гуманитарного знания во всех фундаментальных областях, а вовсе не только в гуманитарных предметах. Только такому сознанию будет под силу решать на сегодня пока еще неразрешимые задачи. Возможно, у университета еще есть шанс выполнить эту миссию. Остается надеяться, что здравый смысл возобладает.

Библиографические ссылки

1. Афанасьев Ю. А. Может ли образование быть негуманитарным? / Ю. А. Афанасьев // *Вопр. филос.* – 2000. – № 7. – С. 34–42.
2. Гильмиярова С. Многоуровневое высшее образование: американо-российские перспективы / С. Гильмиярова // *Alma mater.* – 2008. – № 1. – С. 92–99.
3. Гинкель Г. ван. Университет XXI века: задачи, проблемы, возможности, менеджмент / Ганс ван Гинкель // *Alma mater.* – 2008. – № 1. – С. 74–84.
4. Долженко О. Очерки по философии образования / О. Долженко. – М., 1995.

5. Миронов В. Болонский процесс и национальная система образования / В. Миронов // *Alma mater.* – 2006. – № 6. – С. 45–52.
6. Моисеев Н. Н. Цивилизация XXI века – роль университетов / Н. Н. Моисеев // *Alma mater.* – 2007. – № 5. – С. 72–78.
7. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета (фрагменты) / Х. Ортега-и-Гассет // *Alma mater.* – 2006. – № 8. – С. 65–77.
8. Пэн Т. Стенограмма совместного заседания попечительских советов Сибирского и Южного федерального университетов (24 апреля 2008 г.) / Т. Пэн // *Alma mater.* – 2008. – № 5. – С. 86–94.
9. Пэн Т. Обращение ученого совета факультета математики, механики и компьютерных наук к ученому совету ЮФУ / Т. Пэн // *Alma mater.* – 2008. – № 5. – С. 95–102.

Надійшла до редколегії 12.01.11

УДК 1:572

Л. М. Газнюк, Ю. А. Семенова

Харківська державна академія фізичної культури

МЕДИЧНІ НАРАТИВНІ ПРАКТИКИ В БІОЕТИЦІ

Аналізується значення сучасних біомедичних технологій для життя і здоров'я людини. Розглядаються медичні нарративні практики та їхній вплив на взаємовідносини лікаря і пацієнта. Показані особливості розуміння автономії пацієнта в різних культурних середовищах.

Ключові слова: біоетика, біотехнології, медичний нарратив, здоров'я людини, лікар, пацієнт.

Анализируется значение современных биомедицинских технологий для жизни и здоровья человека. Рассматриваются медицинские нарративные практики и их влияние на взаимоотношения врача и пациента. Показаны особенности понимания автономии пациента в различных культурных средах.

Ключевые слова: биоэтика, биотехнологии, медицинский нарратив, здоровье человека, врач, пациент.

The article is devoted to analysis of the modern bio-medical technologies role for human life and health. The medical narrative practices and their impact on the relationship between doctor and patient are considered. The features of the patient's autonomy in different cultural environments understanding are shown.

Keywords: bioethics, biotechnology, medical narrative, human health, the doctor, the patient.

Сучасні біомедичні технології створили безпрецедентні можливості втручання в природу людини. З'явилися вражаючі за своїми